

сестрица
с
драматером

~~Д~~

Елена
Чалова

Фонтан
с шоколадом

Елена Чалова

Фонтан с шоколадом

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=593955

*Чалова Е. Фонтан с шоколадом: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4346-4*

Аннотация

Татьяна замужем и очень счастлива, но вот беда – ей этого мало! Ей, видите ли, хочется еще интересной работы, правда, она пока не знает, какой именно. В неутомимом поиске своего призвания Таня приватно изучала захватывающую жизнь столицы, растрачивая всю зарплату на модные тряпочки. Девушка она жизнерадостная и любопытная, а любопытство – вещь опасная, можно и в историю попасть, она бы и попала, да спасибо – подруга выручила. Муж сердился, у жены тоже возникали претензии и даже подозрения. Но жизнь продолжалась, и однажды Татьяна открыла свое призвание там, где и не предполагала. А впереди ее ожидало еще одно очень важное событие...

Содержание

Елена Чалова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Елена Чалова

Фонтан с шоколадом

Я замужняя женщина, дневничок! Я вышла замуж! Вот сейчас нарисую сердечки вокруг этих слов. Здорово как! Я ужасно рада... Даже не думала, что свадьба так на меня повлияет. Не могу сказать, что этот момент означает резкую перемену в моем образе жизни: в конце концов, мы с Димом уже несколько месяцев живем вместе, и я успела привыкнуть к нему. Хотя сначала доходило до смешного. Я просыпалась от испуга, почувствовав, что рядом в постели кто-то есть. А теперь почти не сплю, если его нет рядом. Ну, еще пришлось привыкать ко всяким странностям мужского организма. Например, Дим патологически любит мясо. Конечно, слово «патологически» звучит немного резковато, но если человек требует мясо каждый день, а лучше два раза в день – это как? Еще он терпеть не может стирать свои вещи, поэтому одним из пунктов списка свадебных подарков, который мы нахально вывесили на своем сайте в Интернете, был «деньги на стиральную машину». И вот что странно – у мужа две ноги, а носков после стирки всегда оказывается нечетное количество. Никак не пойму почему. Спрашивала подругу, которая давно замужем, она посоветовала: «Не парься. Это что-то вроде естественной убыли. Усушка, утруска. Покупай

сразу десять пар одинаковых – и все дела».

После приезда в Москву я недолго пожила у Светки, своей лучшей подруги, а потом Дим перевез меня в свою двушку. Ремонт там был в стадии завершения, мебели же вообще никакой. Кое-что нам подарили друзья, кое-что мы купили, так что жить можно. Хотя свекровь, периодически заглядывая на чай, демонстративно фыркает, глядя на надувной матрас, заменяющий нам кровать, и на незатейливые шкафчики из ИКЕИ. Однако молчит, потому что в ответ на очередную мамочкину лекцию о том, что спать нужно не как кочевники на полу, а по-человечески, Дим как-то ляпнул:

– Да ладно, мам, это в твоём возрасте важно где, а в нашем главное – с кем. Так что все хорошо, не переживай.

Поскольку слова исходили из уст младенца, то есть ее родного сына, свекровь примолкла и теперь по поводу мебели хранит гордое молчание. Хотя я ей искренне благодарна за посуду и всякие полотенчики-наволочки, которыми она с нами щедро поделилась.

Так что внешне в моей жизни радикальных изменений не произошло. Штамп в паспорте появился и колечко на пальце. Но все равно – свадьба значила для меня очень много. Она явилась признанием того, что Дим меня действительно любит и что свалившееся на нас в Риме чувство никуда не делось, не растворилось в суете будней и мелких стычек. Так уж получилось, что познакомились мы не на дискотеке, не в кафе и не у приятелей. Мы встретились в Италии. Мама

подарила мне путевку на окончание института. Я прилетела в Римини из Новгорода, а Дим – из Москвы. Три дня в Римини прошли в дружеском общении. Мы купались, бродили по городу, болтали. Такое лениво-курортное времяпровождение. Но потом группа «руссо туристо» переехала в Рим. Сказочный, необыкновенный город. Мрамор его статуй и вода фонтанов ослепляли, лишая взгляд привычного саркастического прищура, аромат олеандров кружил голову, напроочь выселив все серьезные мысли, а жаркое средиземноморское солнце растворило сдержанность и осторожность, как лед в стакане. То, что снизошло на нас обоих, – невозможно ни забыть, ни повторить. Три дня мы жили только друг другом и солнечным городом, купались в его фонтанах и своей любви, пили прохладное вино и целовались, гуляли днем и совершенно не спали ночью. А потом вдруг все кончилось и самолеты унесли нас в разные города; я места себе не находила, понимая, что прежняя жизнь потеряла смысл. И когда Дим позвонил, я не раздумывая рванула в Москву. Я его люблю. Вот пока никто не слышит – признаюсь. Хотя бы в собственном дневнике не стану скрывать того, что теплым сияющим солнечным зайчиком прыгает в душе. Люблю до слез. Вообще-то муж у меня человек сдержанный, слова громкие особо не произносит, ну и я по большей части помалкиваю. Когда-то давно, еще глупой девчонкой, я жила в родном городе и встречалась с бойфрендом по имени Андрюша. Было у нас все довольно серьезно, но как-то скучновато. А моя лучшая

подруга Светка мечтала о такой любви, чтобы хотелось петь.

– Вот тебе хочется петь, когда ты с Андреем? – допытывалась она.

– Нет.

– Значит, это не настоящая любовь.

Признаться, я и теперь не пою. Боюсь, никакая любовь не выдержит моих вокальных данных – ни слуха, ни голоса у меня нет. Но вот вчера я проснулась и долго-долго смотрела на спящего рядом мужа. А потом тихонько – чтобы он не слышал – плакала от счастья. Наверное, это мой вариант песни. Я вообще по натуре плакса.

Кстати, свадьбу свою я постаралась забыть как страшный сон. А что делать, если утром того дня ко мне заявился мой бывший парень, а в ЗАГСе устроила скандал Димова бывшая девушка. А потом, уже на самой свадьбе, меня украли, но Дим и его ребята догнали негодяя (опять-таки моего бывшего). Так что мероприятие получилось впечатляющим. Когда-нибудь – ближе к пенсионному возрасту – я, возможно, вспомню об этом с улыбкой. Но пока что-то не смешно.

Должна признаться, что со свадебным путешествием мы попали гораздо круче, чем со свадьбой. Впрочем, само собой, вина была наша. За пару дней до свадьбы Дим, уже довольно нервный от предстоящих радикальных перемен в его жизни, отправился в турагентство, где ему все прекрасно подобрали: то ли Египет, то ли Эмираты – не важно. Но, увидев документы потенциального туриста, девушка, до этого изо

всех сил улыбавшаяся будущему новобрачному, сильно за-
сучала и, ткнув аккуратно накрашенным ногтем в его соб-
ственный загранпаспорт, укоризненно сказала:

– Ну что же вы так? До истечения срока действия – месяц
с половиной. Никто вас за границу с таким паспортом не вы-
пустит. Два месяца – это минимум. Нужно переоформлять
документ.

Хлопоты со свадьбой не оставляли времени на беготню в
ОВИР и стояние там в очереди, а потому Дим покинул ту-
рагентство с чувством глубокого разочарования. Тем же ве-
чером он пожалился Никите – своему приятелю и свиде-
телю, – что его свадебное путешествие накрывается. Танька,
мол, расстроится, потому что он виноват и вообще обещал
уже. Никита – находчивый мальчик – почесал растрепанные
кудри и сказал, что на фига тебе сдалась эта заграница? Вот
я тут с девушкой встречаюсь – ах да, я же вам рассказывал –
Верочка. Чудесное имя, правда? Так она тоже в турагентстве
работает, только они по России возят. Между прочим, сей-
час очень круто считается. И патриотично. И недорого. Ну?
Дим, деморализованный срывом намечающегося праздника,
согласился. Знакомая Никиты оформила все очень быстро,
и буквально на следующий день тот притащил знакомиться
девушку в комплекте с документами на поездку. Девушка
разливалась соловьем:

– Поезд – экспресс: не заметите, как доедете. Журналь-
чик почитали – и уже на месте. Кресла мягкие, тепло, свет-

ло. Там вас встретят и в гостиницу отвезут. Отель частный, недавно открылся. Номер люкс, последний остался, вам просто повезло. Гостиница небольшая, но очень уютная, и хозяйева милые люди. И совсем недалеко до кремля – пешочком дойдете. Уверена, вам понравится! Ростов Великий – чудесный город.

И я даже не могу обвинить девушку во вранье! Все вышло именно так, как она сказала... вот только детали и реалии российской жизни сделали нашу поездку поистине незабываемой. Поезд – да, ехал быстро, и кресла были мягкие, журнальчики мы еще на вокзале купили. Доехали, вышли на перрон: холод жуткий! На улице февраль месяц. Температура с вполне себе среднезимней минус семь упала градусов до семнадцати! На перроне, все чин-чинарем, подпрыгивал молодой мужик с табличкой, на которой было написано «Г-да Суровы».

– Ну-с, госпожа, прошу. – Дим подал мне руку, и мы торжественно направились к встречающему.

Он легко подхватил сумку с вещами, вывел нас с вокзала и усадил в старый, но вполне чистенький «фольксваген». Из разговора по дороге выяснилось, что он хозяин той самой гостиницы, где нам предстояло жить. Пока я переваривала столь удивительный факт ростовского гостеприимства, мы ехали через район, застроенный двух-трехэтажными домиками, каменными и деревянными. Надо же, с умилением

думала я, какой милый райончик. Наверное, здесь здорово снимать кино про уездную жизнь. Как выяснилось позже – это и был город, окружавший стоящий на холме кремль. Нет, там же, у подножия холма, имеется стадион и, может, еще какие культурно-досуговые центры. Но я поняла, что название Великий – дань традиции.

– А гостиница? – робко спросила я.

– А вот мы как раз и приехали! – радостно заявил хозяин, тормозя у деревянных ворот.

Во дворе залаяла собака. Мы вошли в калитку и огляделись. Двор по российской традиции представлял собой расширенный вариант чулана. То есть тут валялись бочки, покрышки, какие-то сильно и не очень гнутые железки, канистры и прочие вещи, которые, вероятно, хозяин желал всегда держать под рукой. Кирпичный двухэтажный дом, совершенно очевидно, строился не как отель, но потом был в него шустро переделан. Третьим этажом оборотистые хозяева сделали деревянную пристройку, и она одним боком свешивалась над двором.

Хозяин лично внес в дом сумки и стал подниматься по лестнице, приговаривая:

– Следуйте за мной, гости дорогие, я вас провожу... Наш люкс, все новенькое, только этой осенью закончили...

Комната и правда оказалась довольно просторной и с претензией на роскошь: ковролин на полу, зеркало на потолке аккуратно над двуспальной кроватью, которая, как выяснилось

при ближайшем рассмотрении, была составлена из двух, а дырочка посередине заткнута байковым одеялом.

С гордостью обозрев интерьер, хозяин распахнул небольшую дверку и объявил:

– И ванная у вас личная, а на других этажах – один сан-блок на всех.

После чего хозяин сообщил нам, что ежели покушать – это в город, а вот выпить и перекусить по-простому – внизу всегда купить можно. И, сделав нам ручкой, удалился, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Некоторое время мы с Димом оторопело смотрели друг на друга, и в наших взглядах читалось: «Мы попали!»

Вместо запланированной недели мы провели в маленьком славном городе с громким названием три дня. Я не могу сказать, что мы скучали – вот чего не было, того не было. Да и как за скучать молодоженам в комнате с зеркалом на потолке! У номера имелись и другие сюрпризы. Взять хотя бы ванную. Когда мы приехали, на улице стоял морозец градусов пятнадцать и в комнате было, мягко говоря, не жарко. Но ванная и являлась той самой частью дома, которая свешивалась со второго этажа. Пол висел непосредственно над улицей, а на утеплителе хозяин решил сэкономить. То есть там можно было, извините, сходить в туалет – но по-быстрому. Ванную мы налили один раз, влезли туда вместе и вылетели буквально через две минуты, вымыв, что называется, существенные части тела. Нет, в джакузи или в большом чане,

где помещаешься целиком, все бы ничего, народ и зимой в теплых источниках купается. Но из стандартной ванны торчали ноги, руки, коленки и попеременно высывалось все остальное. Любая часть тела, неосмотрительно появившаяся над водой, моментально покрывалась гусиной кожей и норовила нырнуть обратно. Поэтому, набив о края синяки и замерзнув до полукоматозного состояния, мы сочли водные процедуры законченными.

Вот что мне понравилось в Ростове – это кремль. Был он невелик, но как-то душевно мил; чистый белый камень его розовел под лучами зимнего солнца. Мы залезли на звонницу и затеяли дурацкую игру в прятки-догонялки вокруг огромных колоколов. Поднявшийся за нами человек церковного вида – в длинном платье и в полушубке – покачал головой и сказал:

– А ну-ка, быстро слазьте вниз! Ежели кто вверх пойдет – на лестнице не разминетесь. А если под звон попадете – то и оглохнуть можно.

Мы послушно спустились вниз – лестница и правда была узка невероятно, а ступеньки разные по высоте и ужасно крутые – у меня потом ноги болели. Мы все еще кружили по кремлю, когда раздался звон. Клянусь вам, я не очень религиозный и совсем не музыкальный человек. А уж муж мой и вообще программер. Но мы стояли неподвижно и молча – это на пятнадцатиградусном морозе – и слушали звон колоколов. Они звонили не просто очень красиво, они звони-

ли как-то по-особенному – так, что хотелось то смеяться, то плакать, и душу наполняли радость и умиление, и я словно видела себя и Дима – вот мы стоим посреди кремля, крепко держась за руки и задрав голову, а вокруг нас поднимаются храмы и стены из бело-розового камня, и маленький город, и поля вокруг него, и леса – все покрыто белым-белым (в Москве такого белого не увидишь) снегом и залито густым светом зимнего солнца.

Мы нашли пару приличных гостиниц, свидетельствующих о том, что блага цивилизации в виде теплого туалета не чужды и этим местам, но мест там не было. Зато в ресторанах кормили вкусно, а цены, по московским меркам, так просто смешные. Еще мы повеселились, забежав вечером в магазин с вывеской «Продукты».

– Девушка, а где у вас сигареты? – спросил Дим, озирая прилавок и окрестности.

– В табачной, – неспешно ответила девушка.

– Где?

– В табачной лавке за углом, – пояснила продавщица.

Две тетушки, торчавшие у прилавка, обернулись и уставились на нас, как, вероятно, смотрели римляне на варваров – со смесью любопытства, опаски и презрения.

– А плюшки у вас есть? – Меня от свежего воздуха одолел голод.

– А хлеб в булочной, через улицу от табачной лавки, – все так же спокойно отозвалась продавщица.

Почему-то этот дурацкий разговор произвел на нас большее впечатление, чем весь концерт Задорнова, который в тот вечер показывали по телевизору. Мы просто умирали от хохота. Хотя что странного, что хлеб в булочной? Пожалуй, это у нас в Москве все ненормально: когда в одном магазинчике тебе продадут и хлеб, и сигареты, и водку и не знаю что еще.

В этот вечер на улице похолодало. Судя по моему покрасневшему носу, было градусов двадцать с лишним. Мы вернулись после ужина в ресторане в наш люкс и решили, что в помещении стало как-то чересчур прохладно.

– А где тут, собственно, батареи? – задумчиво поинтересовался Дим, озирая комнату.

Батарей не оказалось, и это удивляло. В конце концов мы обнаружили источник тепла – им являлся банальный электрический обогреватель, спрятанный между стеной и спинкой кровати.

– М-да, понятно, почему в ванной такой холод, – сказала я, а муж твердой рукой прибавил жару, повернув колесико нагревателя.

Дим извлек из ванной, которую мы использовали в качестве холодильника, бутылку шампанского, и мы с ним пристроились на подоконнике, глядя в темное небо, где мерзли колючие звезды. Выпили, поцеловались. Потом я принялась: не иначе внизу что-то готовят... Запах какой мерзкий. Муж прыгнул с подоконника и, пробормотав что-то о полярных медведях и необходимости отращивать шерсть,

скрылся в туалете, а я кружила по комнате, приносясь. И вдруг уловила краем глаза что-то яркое. Шаг вперед – и я завизжала так, что с кроватей, наверное, попадали все постояльцы: розетка электронагревателя, спрятанная за изголовьем кровати, плавилась и чернела на глазах, и оттуда уже посверкивали искорки.

Дим вылетел из сортира, на ходу застегивая штаны. Одной рукой он отобрал у меня бутылку воды – я схватила ее с тумбочки, собираясь плеснуть на огонь, а другой дернул за шнур, отключая нагреватель. Шнур выпал, и через некоторое время стало ясно, что пожара не будет... По лестнице стучали чьи-то тяжелые шаги, а муж, покрутив пальцем у виска, помахал в воздухе бутылкой и рявкнул:

– Дура! Там же электричество, разве можно водой?

В комнату без стука ввалился хозяин.

– Что у вас тут? – запыхавшись, спросил он.

– Отопление прибавить хотели, – отозвался муж, махнув рукой в сторону увечной розетки.

– Ай-ай-ай, как же вы так неосторожно, – сокрушался хозяин, осматривая масштабы разрушения. – Стеночку попортили, розетка опять же...

– Я так понимаю, что теперь помещение окончательно осталось без обогрева? – холодно поинтересовался муж. – И как нам здесь спать? Возможно, у вас найдется другой номер, где соблюдены не только технические нормы теплоизоляции помещения, но и правила техники безопасности?

Я с уважением взглянула на Дима, на время позабыв даже обиду по поводу «дуры». Как сказано, а? Лично я перепугалась так, что даже ругаться не могла.

Хозяин выпятил губы и задумчиво оглядел моего суженого. Решил, видимо, что этот тип может и в пожарную настучать, а потому не стал связываться. Изобразив искреннее огорчение, хозяин сказал, что свободных номеров нет, но розеточку он сейчас починит, и все будет нормально. И одеяло второе принесет.

Несмотря на все заверения хозяина, ловко и быстро сменившего розетку, что теперь мы в полной безопасности, я так и не заснула. Сперва муж долго меня успокаивал, попутно раскаиваясь за свою грубость, потом как-то естественно мы перешли к сексу, и потом он, само собой, заснул. А я натянула свитер и колготки и всю ночь не сомкнула глаз, судорожно приносясь и отчаянно скучая по дому. Так что на следующее утро первым делом мы отправились на вокзал и очень удачно купили билеты на трехчасовой поезд. Вот так и закончилось наше свадебное путешествие.

В связи со свадьбой и прочими заботами я взяла на работе отпуск, и когда он приблизился к концу, поняла, что на работу мне выходить категорически не хочется. Ну, сначала-то я, конечно, вернулась, потому как мы не столь богаты, чтобы уходить вот так в никуда, но вскоре желанные перемены в моей жизни все же случились. Я бросила своих (впрочем,

ничего они не мои) компьютерных гениев. И я считаю, что мое решение – что бы там ни говорила Светка – имело все основания, потому как на работе становилось все менее уютно, не говоря уж о том, что там никогда не было особенно интересно. Ну не создана я для работы офис-менеджером в компьютерной фирме! Там даже поболтать не с кем! Ну вот действительно, я провожу в офисе большую часть дня. С кем мне общаться?

С Борей? Он, во-первых, начальник, хоть и не заморачивается статусностью, но зато работает по двадцать часов в сутки. Периодически ему звонит дочь и требует, чтобы он, наконец, выполнил обещания и

А – отвел бы внука на футбол,

Б – сводил в зоопарк,

В – установил ему новую компьютерную игру на телефон,

Г – просто дел бы мальчика хоть куда-нибудь. Чтобы у его мамы появилось чуть-чуть свободного времени для устройства несложившейся личной жизни.

Гене – наш хозяйственник и шофер – даже улыбнуться искренне нельзя, а то опять приставать начнет.

Ромиль, ах, красавец Ромиль – полное табу, я же не последняя хрюшка, чтобы строить глазки мужу лучшей подружки.

Есть, конечно, девушки моего возраста – две штуки, но о чем с ними говорить? Люди живут своей, совершенно непонятной мне жизнью.

Единственный человек, с которым можно поговорить, – это Елизавета из маркетинга. Мы с ней иной раз обедать вместе ходили. Я понимаю, что она мне не подружка, но, видимо, из тех же соображений – хоть поговорить – мы с ней даже немножко подружились. Она старше, ей лет сорок, очень стильная и умная, но в то же время нормальная такая женщина, без закидонов. Обсуждали всякие пустяки: погоду, тряпки, машины (у нее хорошенький красный ситроенчик), она рассказывала мне о своем мальчике – ему уже двадцать, и это так странно.

Узнав, что она собирается увольняться, я, естественно, расстроилась.

– Работать придется больше, – рассказывала Елизавета, блестя глазами и потягивая минералку из стакана – диета! – Но я не против. Ребенок взрослый, а силы пока есть. Опять же, интересные командировки за границу... Вы не представляете, Танечка, как я люблю ездить! Ну и зарплата существенно выше. Хочу кое-что отложить.

В тот день я шла домой расстроенная: у Елизаветы открываются перспективы, ее ждет что-то новое, а я? Я поеду с Геной за хозтоварами и расходными материалами в «Метро». У-у-у!

Остановившись у газетного киоска, чтобы купить журнал, я прихватила издания с объявлениями о работе. На следующий день кое-куда позвонила, но ничего интересного не попало. Тогда я набралась наглости и, отловив Елизавету на

кухне – она грела лоточек с брокколи, – сказала, что тоже хочу уйти и не могла бы она мне что-нибудь посоветовать. Елизавета растерялась, и мне сразу стало неудобно, но она улыбнулась и сказала, что все понимает и пока самое разумное – это составить резюме и отослать его в кадровые агентства, а там видно будет. Я маялась над составлением этого кошмарного документа – помесь биографии и героического эпоса – на Светкиной кухне под ее стоны «от добра добра не ищут» и «чего тебе только не хватает, я не понимаю!».

На следующий день нашла в электронном ящике письмо от Руфи: она написала детальный отчет о своей свадьбе и прислала кучу фотографий. Мы познакомились с ней в Праге. Ездили туда с компанией на прошлый Новый год, ну и угораздило нас с Димом попасть в Йозефов – еврейский – квартал как раз в тот момент, когда там проходил марш неонацистов. Я уж думала, что разбушевавшиеся молодчики нас убьют, но Руфь впустила нас в свое кафе, и мы пересидели опасный момент в ее уютной квартирке над кафешкой. Она собиралась выходить замуж, я тоже, мы стали переписываться по электронной почте. Сегодня я решила не остаться в долгу и расписала наше с Димом торжество, не забыв фотки. Под большим секретом поведала даже, как меня чуть не украл со свадьбы мой бывший бойфренд. Руфь написала ответ в полном восторге: ах, это так романтично! Вспоминая всю историю, я не могла с ней согласиться. Мне в голову приходит много разных эпитетов, но вот слово «романтичный»

точно не кажется уместным.

Вчера вечером раздался звонок. Я, уже сонная, нащупала трубку рядом с кроватью и протянула:

– Ал-ло?

– Таня? Добрый вечер, надеюсь, я вас не разбудила.

Конечно же это была Елизавета, и из трубки доносились шум голосов, музыка и смех. Я сразу поняла, что там гости или вечеринка, и решила, что она, наверное, очень красивая сегодня и стильная.

Как-то раз одна из тестирущиц, увидев, как я кручусь перед зеркалом, насмешливо фыркнула:

– Как ни форматируйся, все равно на Елизавету не похожа.

Я даже отвечать не стала. Да, пытаюсь подражать ей и ничего плохого в том не вижу. Елизавета эффектная женщина. При кажущейся простоте костюмов она всегда выглядит прекрасно одетой и чертовски элегантной. Я даже чувствую себя уверенней, когда мне удастся придать лицу то внимательно-доброжелательное и чуть насмешливое выражение, которое она носит так уверенно.

Поздоровавшись, Елизавета спросила:

– Танечка, в свете нашего последнего разговора я хотела бы спросить, как вы относитесь к работе в сфере обслуживания?

– Любой труд почетен, особенно если он достойно опла-

чивается, – брякнула я от растерянности.

Елизавета рассмеялась и продолжала:

– Моя подруга работает директором магазина одежды, и ей нужна нормальная порядочная девочка на должность продавца. Ну, все как водится – три месяца испытательный срок, пока вы осваиваете премудрости, потом Лида решит, подходите ли вы ей. Это в Петровском пассаже, бутик...

Я так озадачилась словами «Петровский пассаж», что пропустила все остальное.

– Таня, вы меня слышите?

– Да... я просто... Елизавета Владимировна, а что такое Петровский пассаж?

К чести Елизаветы, она даже не хмыкнула.

– Это такой дорогой торговый центр напротив ЦУМа, – спокойно пояснила она. – Один выход на Петровку, а второй, кажется, на Неглинку.

– Спасибо, Елизавета Владимировна, надеюсь, что директор сочтет меня подходящей кандидатурой.

– Ну и прекрасно. Подъезжайте в среду к двенадцати в бутик «Ферре», Лидия с вами поговорит.

Я повесила трубку и потерла свои покрасневшие уши. Ну и что такого, что я в первый раз слышу о Петровском пассаже? Ясно, что такое место мне не по карману. А вот, между прочим, я со времени приезда в Москву – всего-то несколько месяцев – успела побывать в Третьяковской галерее, Пушкинском музее – два раза, усадьбе Архангельское, не говоря

уже о музеях Кремля. Вот! А Дим в Пушкинский музей второй раз идти отказался.

Услышав о моих планах на ближайшее будущее, муж удивленно вздернул брови и насмешливо спросил:

– Почему не в манекенщицы?

Я швырнула в него подушкой и принялась долго и тщательно убеждать нас, что эта работа может – я же пока ничего не утверждаю – оказаться намного лучше. По деньгам. И мне хоть будет с кем поговорить.

Он хмыкнул и пошел спать, гад такой.

А на следующий день, когда я носилась по офису как взмыленная лошадь, обнося людей свежекупленными канцтоварами, бумагой, кофе и прочим, у меня зазвонил мобильник. От неожиданности я уронила пачку бумаги на клавиатуру компьютера, и чертов агрегат злобно взвыл. Ему вторил Марат, получивший пачкой по пальцам, плюс у него там что-то сбилось в компе. Я быстро шмыгнула прочь и зашипела в телефон как разъяренная кобра:

– Да? Кто это?

Конечно, это была Ника. И конечно, она плакала. Разобрать я ничего не могла, Марат орал как потерпевший, и я быстро сказала, что жду ее в час в «Шоколаднице» возле офиса, и отключилась. Ника гениальная портниха – она шила мое свадебное платье. Но угораздило же девушку влюбиться в главного ловеласа Димовой компании – Мишаню.

В кафе я влетела пятнадцать минут второго, и Ника уже сидела за столиком, нахохлившись, как маленький печальный воробей. Перед ней остывала чашечка шоколада, его глянцевая темно-коричневая поверхность покрылась бархатистой корочкой; и я, заглянув туда в надежде увидеть что-нибудь полезное в шоколадной гуще, не увидела ровным счетом ничего. Я плюхнулась на стул и закрутила головой в поисках официанта. Народу, как всегда в ланч-тайм, набежало довольно много, и официантка носилась где-то в другом конце зальчика.

Я решила начать с дел, отложив еду на потом.

– Ника, что случилось?

Честно сказать, я была уверена, что эта дуреха залетела и теперь мается, не зная, что делать и что говорить своему обожаемому Мишане. Какие все же мужики козлы!

– Да нет, ничего страшного, – пробормотала Ника, глаза ее быстро наполнялись слезами. – Просто... Я утром позвонила ему домой... думала, может, мы в обед увидимся или он зайдет... А там Лариса.

– И что?

– Ну, ничего. Она трубку сняла, я растерялась, когда услышала женский голос, и спрашиваю: это кто? А она так спокойно говорит: это Лариса. Миши нет дома, ему что-нибудь передать?

Я восхитилась. Ну Лариска, это же надо такую выдержку железную иметь. Сама она, между прочим, ничего не спро-

сила. И правильно: меньше знаешь – лучше спишь. Хотя я бы так не смогла. Расстроенная приветливым спокойствием, которое воспринималось как уверенность в себе и своем будущем, Ника попрощалась, повесила трубку и ударилась в слезы. К тому же она видела Ларису на свадьбе и понимала, что не ей – маленькой худышке – тягаться с видной девицей ростом метр семьдесят с четвертым размером груди, глазами лани и модными волосами цвета красный каштан.

Поэтому Ника просто тихо расстраивалась. Попытав ее окольными вопросами, я поняла, что ничего из области за-летов не произошло и девушка просто достигла в своих переживаниях той точки, когда надо кому-то выплакаться.

Повздыхав сочувственно и приступив к салату, который мне все же принесла замученная официантка, я начала сеанс подружкопсихотерапии.

– Он тебе что-нибудь говорил?

Личико Ники вспыхнуло, и я быстро поправилась:

– Обещал что-нибудь?

– Нет... Ты не думай на Мишу плохо, он не приставал, я сама.

– Как это сама?

– Ну, мне хотелось его поблагодарить. Понимаешь, меня никто раньше не спасал. – Возможно, вид у меня был очумелый, потому что Ника зачастила: – Ты вот думаешь, что все так просто, а ведь Миша рисковал из-за меня! Я про тот день, когда племянник моей квартирной хозяйки ломился ко

мне в комнату. Он ведь милиционер, и у него имелось, между прочим, оружие. Он им размахивал и орал! Но Миша не испугался. Он этого мужика скрутил, в ванную отволокло, под водой подержал, и мент притих сразу, хоть Миша ни разу голоса не повысил. А когда мы уходили, он и говорит этой тетке, квартирной хозяйке, я, мол, пистолет на шкаф закинул. Проспится племянник – отдайте. И вообще, Миша такой необыкновенный, он такой ласковый...

Бледное личико девушки опять порозовело, и у меня закралось подозрение, а не был ли этот ласковый Миша первым в ее жизни мужчиной. Ну, даже если и так, сказала я себе, пусть лучше Миша, чем козел какой-нибудь в общежитии.

Между тем Ника продолжала лепетать:

– Ты не думай, я не жалуюсь. Я же понимаю, что ему не подхожу, что я никакая... Просто мне надо кому-то рассказать. Он такой красивый... – мечтательно протянула она и решительно добавила: – Они с Ларисой прекрасная пара.

Сзади раздался кашель. Я обернулась: дама за соседним столиком мучительно кашляла. Видимо, что-то попало не в то горло.

– Постучать? – участливо спросила Ника.

Дама закивала, Ника вскочила и заколотила кулачками по спине. Та продышалась, вытерла слезящиеся глаза, попила водички и сказала «спасибо».

– Не за что... – начала было Ника, но женщина решительно продолжала:

– Хотя все из-за вас.

– Не поняла, – вступила я, видя, что подруга растерянно хлопает глазами.

– Ну да. Услышав, что «они такая прекрасная пара», я и подавилась. Девочки, разве можно себя не любить и не ценить? Да ваш Миша должен мечтать о такой замечательной девушке, как вы!

– Вы знаете Мишу? – прошептала Ника.

– Нет. Но я вижу вас и не понимаю, как можно отдать мужика, даже не поборовшись за него. Ладно, пусть он уйдет, но у него должны остаться воспоминания о женщине, которую жаль было бросать, которая... которая запомнится. А запоминаются только гордые и эффектные женщины.

Мы, открыв рот и хлопая глазами, слушали эту проповедь. Надо отдать даме должное – говорила она искренне и сама при этом выглядела весьма эффектно. Возраст ее я определить не смогла, хотя внимательно посмотрела и на руки и на шею. Сорок? Пятьдесят? Но выглядит она на тридцать пять и одета дорого и стильно. А уж сумка!.. Я как-то забрела в магазинчик и видела, сколько стоит такая красота; ни одной лишней «молнии», никаких блестящих замков – изысканность гладкой кожи и элегантность хорошего дизайна.

– Вы чем занимаетесь? – спросила женщина Нику.

– Я портниха...

– Правда? – Несколько секунд дама разглядывала девушку, потом вдруг спросила у меня: – Она хорошая портниха?

Я кивнула, не раздумывая ни секунды. Мое свадебное платье было самым красивым, самым изысканным во всем Дворце бракосочетаний, и оно сделало меня, обыкновенную в общем-то девушку, роскошной красавицей на тот вечер.

– Тогда почему вы не можете одеть себя? – спросила женщина.

– У меня нет фигуры, – пробормотала Ника. – Чего одевать-то?

Только тут я обратила внимание на то, что на подруге джинсы и невзрачный серый свитерок.

– Девушка, у вас идеальная фигура, – уверенно возразила дама, – на которую можно повесить решительно все, как на модель. Рост маловат, но лучше иметь маленький рост и маленький размер, чем большой размер при том же маленьком росте.

Женщина внимательно оглядела Нику.

– Я бы надела юбку с подвернутым подолом, очень эффектно. И голубой верх. У вас прекрасные глаза, но их нужно подчеркивать. Ну и, конечно, вас нужно постричь.

Вздохнув, дама посмотрела на лежащий на столике мобильник. Аппарат жужжал и возмущенно подпрыгивал.

– Девочки, мне пора. Вот, возьмите. – Она расстегнула роскошную сумку, вытащила из кармашка небольшую серебристую коробочку и извлекла оттуда прямоугольничек розового цвета. – Это моя визитка. Вот, я пишу на ней своей рукой «скидка...» – Она еще раз посмотрела на нас, вздох-

нула и продолжала: – «Скидка 50%». Приходите, и вы сможете с удовольствием смотреть в зеркало и гордиться собой. Поверьте мне, девочки, – она встала, – красота и размер бюста – это далеко не главное. Мужики обожают гордых и самодостаточных женщин.

Мы с Никой следили глазами за дамой, пока она не покинула кафе. Сквозь огромные окна витрины было видно, что она подошла к небольшому спортивному «мерседесу», припаркованному у тротуара. Машина темно-вишневого цвета сочеталась с сумкой, и я подумала: интересно, что именно дама меняет по утрам – сумки или машины? И лишь когда «мерседес» влился в поток транспорта, мы с Никой перевели взгляды на лежащий на столе прямоугольничек и, наклонившись над ним, стукнулись лбами.

Сагаева Виктория Николаевна, гласила надпись. Имиджмейкер. Имидж-салон «Виктория». Адрес и телефон.

– Пойдешь? – спросила я после того, как Ника взяла в руки маленький розовый прямоугольник визитки.

– А что мне терять? Пойду... В том, что тетка говорила, есть смысл, как ты думаешь? Если и бросит, так хоть запомнит.

Мы обменялись еще какими-то ничего не значащими фразами, а потом разбежались. Интересно, какой именно образ придумают Нике имиджмейкеры.

На среду я отпросилась с работы на полдня и пол-утра ду-

мала, что надеть. Мне консультация имиджмейкера не светит, приходится обходиться своими силами. Выбрала брючки серые, очень стильные, покупала на распродаже в МЕХХ, и кофточку светло-розовую трикотажную, с воротничком и манжетами белой блузки. Сапожки у меня очень даже симпатичные. Голову вымыла, накрашилась и побежала. Само собой, пришла я туда к одиннадцати, Дим мне долго объяснял, где это, и я очень хорошо сориентировалась. Даже карту скачал и распечатал на листочке, заботливый мой. Бутик нашла быстро и без проблем, но заходить не стала. Пошла бродить по магазину. Да, это вам не «Метро». Красиво, стильно, а какие вещи!.. Покупателей не было практически совсем – человека три лениво слонялись туда-сюда.

Ровно в двенадцать я толкнула стеклянную дверь и вошла в бутик. Здесь витал легкий аромат духов и явственно различимый запах больших денег. Как выглядит Елизаветина подруга, я понятия не имела, она сказала лишь, что зовут ее Лидия. Поэтому я подошла к прилавку, робко улыбнулась стоящей за ним женщине и вежливо сказала:

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна. Мне назначено было прийти к двенадцати...

Дама, стоявшая за прилавком, сдвинула очки в тонкой золотой оправе на кончик носа и окинула меня внимательным взглядом. Я решила, что она ужасно похожа на преподавательницу солидного вуза: лет пятьдесят, решительное лицо, короткая стрижка, неброский макияж, аккуратный ма-

никюр, строгий костюм.

– Лидия Михайловна упоминала, что ждет кандидатку на роль консультанта.

Так, один момент прояснился. Хозяйку зовут Лидия Михайловна, а эта дама за прилавком – тоже наемный работник. Это не помешало мне застенчиво улыбнуться и спросить:

– Можно мне здесь подождать?

Дама не успела ответить: взгляд ее сфокусировался на чем-то за моей спиной, и я торопливо обернулась. В бутик, в облаке пряных духов, влетела девушка. Я завистливо вздохнула: шубка распахнута, белокурые локоны небрежно рассыпаны по плечам, на загорелой стройной шее посверкивают бриллиантики, нанизанные на тончайшую цепочку. Шаг ее был легким и стремительным, несмотря на невероятную высоту каблучков. Она затормозила подле меня, и я постаралась придать лицу незаинтересованное выражение, убеждая себя, что каждому свое и не все могут себе позволить...

– Таня?

– А?

Красавица засмеялась:

– Идите за мной, я хочу с вами поговорить.

Короче, это оказалась та самая Лидия Михайловна.

Сговорились мы довольно быстро, поскольку меня никто ни о чем не спрашивал. Сначала хозяйка попросила мой паспорт и внимательно его изучила. Потом озвучила график работы, сумму зарплаты на испытательный срок и после, а

также ряд условий, которым я должна соответствовать. Я слушала, гадая, сколько же ей может быть лет. Как Елизавете – сорок? Нереально совершенно.

В конце недолгого монолога Лидия спросила, устраивают ли меня предложенные условия. Услышав утвердительный ответ, позвала Светлану Сергеевну – похожую на преподавательницу – и сказала:

– Я беру эту девушку на работу, займитесь ею. Сейчас мне нужно бежать, но в течение дня я обязательно загляну.

И она унеслась, оставив за собой запах легких духов и мои сожаления о том, что легко и красиво я жить никогда не буду.

Так меня приняли на новую работу. По завершении всех формальностей я получила форму – строгий костюм и набор блузок к нему, указания о том, как именно мне следует краситься и душиться, и наставления по работе с клиентами.

Я, конечно, предполагала, что эта работа не сахар, но она оказалась еще хуже. Либо мне безумно скучно, потому что покупателей заглядывает мало, либо, когда они все же объявляются, я – сохраняя на лице приветливую улыбку и выражение заинтересованного внимания – начинаю изобретать изощренные способы наказания данных особей. Эту, с невероятным, просто чудовищным маникюром, на кухню. Чистить картошку, тереть морковку на терке, а потом мыть посуду. Мм, ощущение, когда ноготь попадает в терку, – самое то, что нужно даме. Хуже бывает, только если стираешь

что-нибудь и надломившийся ноготь цепляется за ткань – ох, у меня прямо мурашки по спине. Я, между прочим, тоже пыталась нарастить ногти и сделать суперский маникюр, так ведь он умер за неделю, потому что у нас нет стиральной машинки! А вот эту капризулю, с брезгливо оттопыренными губами – куда бы ее? О-о, учительницей начальных классов. Машка, моя одноклассница, после педтехникума работала в школе учительницей младших классов. Говорила, что это испытание на прочность. Детки, которых мамы и папы балуют и которые по отдельности, может, и правда милые, сбившись в стадо, превращаются в плохо управляемый зоопарк. Один хочет писать, а у него пуговица не расстегивается. Другой – какать, но мама запретила садиться в школе на унитаз, потому что грязно, а стоя он не умеет. Третьего тошнит, потому что в столовой он съел пять глазированных сырков. Нет, попадались и нормальные клиенты, которые что-то мерили, что-то покупали или не покупали, иной раз спрашивали совета или просили не мешать. Но по большей части дамы, забредавшие в бутик, явно скучали или изживали свои комплексы, третируя продавцов.

Вот приходит женщина, на вид совершенно нормальная, и, перебрав кучу вешалок, говорит:

– Принесите мне вот это, это и это, только моего размера.

Я решила на всякий случай уточнить, потому как на глаз трудновато было понять, что именно скрывается под накрученным палантином с оборочками:

– Пятидесятый?

Она уставилась на меня так, словно я послала ее матом.

– Что? Что вы такое говорите?

Рядом тут же возникла Светлана Сергеевна.

– Любовь Захаровна, здравствуйте!

– Эта ваша девица заявила, что я толстая!

– Девочка такого сказать не могла, – уверенно покачала головой начальница.

– Но она предложила мне пятидесятый размер!

– Ах, Любовь Захаровна, вспомните сами, сколько мы с вами разбирались в прошлый раз с этими размерами! Девочка работает без году неделя, ничего еще не запомнила. Ведь это с ума сойти – где наш сорок четвертый, где французский, где немецкий! А теперь еще мода американские размеры указывать – так вообще смешно, ну вот, ваш вечный сорок четвертый, как обычно, просто удивительно, как вы умеете поддерживать форму!

Тетка, сверкнув на меня недобрым глазом, удалилась в примерочную в сопровождении Леночки, другой продавщицы.

Светлана, понизив голос, зашептала:

– С ума сошла? Все помешаны на размерах и похудении, нельзя обижать клиента.

– Но у нее этот шарф намотан... Я думала, она носит пятидесятый...

– Она его и носит, но назвать нужно другой номер, по

европейской категории. Это безобидный обман, который льстит самолюбию дамы. Скройся с глаз, пока она не уйдет.

А потом я увидела, как роскошная дама, увешанная сверкающими драгоценностями с ног до головы, прячет в сумку шелковый шарфик. Подавив искушение схватить воровку за руку, я подошла к Светлане и шепотом доложила о происшествии. К моему удивлению, она не стала вызывать охрану, но удвоила внимание к покупательнице, и та ушла из магазина, обвешанная пакетами. Позже начальница пояснила мне:

– Она купила много и на крупную сумму. А воровство в данном случае – вид заболевания, к нам приходил ее сын, просил просто включать товар в счет, она все равно платит карточкой. Впрочем, бывает и по-другому. Воруют, потому что не хотят платить или на пари. Ты молодец, что углядела воровку, и еще больше молодец, что не подняла шума.

Потом я заметила кое-что еще – иной раз девочки портили вещь, а потом бежали к старшей со словами:

– Вот беда – покупательница задернула ногтями... испачкала помадой... порвала заколкой.

Списанные вещи продавщицы покупали по небольшой для такого бренда цене. Думаю, начальница понимала, что происходит, но закрывала глаза.

Честно сказать, большую часть времени девочки обсуждали тряпки и мужиков. Ну, про мужчин, то есть как подцепить богатого, мне не очень интересно. Все-таки я недавно замуж вышла. Хотя мне стало немного обидно, когда про-

давшицы, узнав где и кем работает мой муж, все как одна скривили губы и заявили, что этого добра им не надо. Подумаешь, программер обыкновенный! А им надо богатого – чтобы машину на свадьбу подарил, и дом свой, и брюлики.

– Ну ничего, – похлопала меня по плечу та же Леночка. – Это ты пока новобрачная, любовь-морковь, то-се. А потом прочухаешься и тоже начнешь нормального мужика искать.

Я пожала плечами и ввязываться в дискуссию не стала. Так что обсуждаем мы в основном тряпки и средства по уходу за собой, любимой. А также куда пойти вечером тусануться.

Мы праздновали день рождения Дима и решили позвать гостей в боулинг. Он как ребенок, трогательно любит отмечать этот праздник. А вот я, честно сказать, не люблю. Подарки получать не так интересно, как в детстве, а мысль о том, что еще один год приближает меня к пенсии, как-то не радует. Так что мой праздник мы отмечали скромно – дома просто выпили шампанского, и Дим купил торт. А его день рождения решили сохранить как праздник народный. И пошли, значит, в боулинг. Назвали все тех же людей: Мишу, Никиту, Платона. Предполагалось, что каждый из них будет с девушкой. Плюс еще семейная пара, если им удастся пристроить ребенка. И еще кто-то из ребят, человека два-три.

И вот мы собираемся в полутемном зале, заказаны две дорожки. Самое смешное, что мы – хозяева сегодняшнего

праздника – на него опоздали. Свекровь позвонила чуть ли не когда мы уже одетые стояли у дверей и завела горький и трагический монолог о том, что она себя плохо чувствует и в аптеку сходить некому, а у нее насморк, кашель и еще что-то. Дим, чертыхаясь, поскакал в аптеку, а я, воспользовавшись случаем, надула много разноцветных шариков и пристроила их над матрасом (кровати пока нет, так и спим на надувном плавсредстве), чтобы было празднично. Подарок я мужу с утра отдала – портмоне новое, классное. Вроде понравилось. Да, думаю, понравилось, потому что он все сразу в него переложил и в карман убрал. Так вот, пока то-се, опоздали мы. Приходим, народ уже вовсю шары катает. Нас увидели, бутылку шампанского хлопнули, чокнулись, выпили. Мужики, естественно, со скупыми словами типа «Димон, тебе всего!», «Чтобы софт был хард!» (это я не поняла), «Удачи и памяти!» (спасибо, хоть не светлая память). Ну и все в таком духе, технари, что с них взять. Девочки его в щечку пощмокали, но под моим ревнивым взглядом никто не увлеклся. Я ревизовала гостей – не хватает Ники. Неужели не придет? Ведь сама звонила, просила позвать туда, где будет Миша, пусть и с Ларисой. Миша как раз имеет место и именно с Ларисой. Ну да ее дело. Я заказала себе «Мохито» – это единственный коктейль (из тех трех, что довелось попробовать), который мне нравится.

Ника пришла минут через двадцать. Я рот открыла и долго глазами хлопала, а Дим так, по-моему, вообще не понял,

кто это.

Она словно стала выше ростом – или это каблуки? И вроде ничего радикально не изменилось: хрупкая фигурка, да, выше сантиметров на десять за счет каблуков. Джинсы-капри, сапоги классные – высокие, узкие. Батничек голубой в обтяжку – сверху-снизу расстегнут, как сейчас модно. Талия – пальцами обхватить можно, подчеркнута коротким таким черным корсетом на шнуровке, который натянут поверх батника. И каким-то неведомым образом эта черная штучка создала объем в районе груди, то ли он ее приподнимает, то ли визуально голубой шелк, выступающий из черной ткани, притягивает взгляд, не знаю. Пожалуй, самым радикальным образом изменились волосы и лицо девушки. Нику постригли коротко, оставив трогательно топорщившийся ежик и длинную косую челку, которая дерзко падала на глаза, заставляя девушку откидывать назад голову. И тогда открывалась незащитная шея, и нежные ключицы, и прелестные бусы – смесь белых и голубых шариков на тончайших лесках, – пенившиеся в вырезе батника. Должно быть, мастера Виктории знали свое дело: глаза Ники стали больше, ресницы – длиннее и пушистее, рот влажно блестел перламутровой помадой (которой она, мерзавка, перемазала моего мужа). Ника стояла рядом со мной, когда к нам подошел Миша. Он сперва долго смотрел на нее издалека, потом, видимо, решил подойти поближе. Оглядел внимательно и сказал:

– Роскошно выглядишь.

– Спасибо. – Ника кивнула.

Качнулась длинная серьга, и только тут я разглядела, что на ее серебряной цепочке висит диск с буквой «М». Мишани тоже заметил букву, и лицо его расплылось в довольной улыбке. За спиной нашего ловеласа выросла Лариса и, оглядев Нику, сразу поняла, что к чему.

– М значит Миша? – спросила она насмешливо.

– М значит Мария, – ответила девушка спокойно. – Меня зовут Мария. Ника – детское прозвище. Но я теперь взрослая.

Она улыбнулась и пошла бросать шар. Больше мы с ней не разговаривали в этот вечер. Сашок и Вадик, заявившиеся без девушек, вились вокруг нее, не отпуская ни на минуту и отчаянно соперничая друг с другом. Я с удовольствием наблюдала этот петушиный танец, периодически поглядывая на Мишу. Не могу сказать, что тот выглядел расстроенным или глаз не сводил с Ники, то есть Марии, но все же... все же, думаю, своего девчонка добилась: он ее не скоро забудет и, может, пожалеет, что бросил.

Произошел тут со мной один случай. Смешной. Ну, после всех размышлений я все же решила, что это было смешно.

Я работала, как обычно, в смену Светланы Сергеевны и Леночки. В магазине нарисовались две девицы, которые принялись напропалую мерить тряпки и болтали при этом, как две полоумные сороки. Леночка улыбалась и молча таскала

им тряпки охапками, а я, время от времени принимая отвергнутые наряды, прислушивалась, пытаюсь уловить, о чем, собственно, девицы разговаривают.

– Ну, как твой крестный? – спрашивала одна – высокая блондинка с пышными формами и в ярко-красных сапогах на шпильках.

– Да ничё, – отвечала другая – высокая блондинка с чуть менее пышными формами и в черных лайковых сапогах на шнуровке выше колена и, само собой, на шпильках. – Только, прикинь, завелся он из деревни уехать. Прямо не знаю, что на него нашло.

– А куда? Глядишь, в Лазурном жить будешь.

– Не-а. Он говорит – там скучно везде. Ни тебе потрясов, ни тебе игры.

– Да ладно свистеть! Говорят, там половина наших! Так уж все должно быть как в родной деревне.

– Ну, не знаю... Зимовать там – одно, а жить как-то зло слишком.

– А ты возьми с собой хвоста.

– Ага. Тут-то мой зайчик прошлое и вспомнит – и быстро упечет в рехабы или вообще не знаю куда... Девушка, это что? Я же сказала – голубой!

– Простите! – Леночка метнулась за требуемой вещью.

Девицы же, до этого полностью игнорировавшие наше присутствие, обзрели меня с таким странным выражением на лицах, что я просто не знала, что именно сказать. Или

лучше – какое выражение лица надеть. А потому стояла столбом, улыбаясь как кукла.

Девицы провели в бутике еще минут тридцать, и после них нам пришлось чуть не весь товар перебирать и раскладывать заново.

Ловко складывая разноцветные тряпочки, Леночка тихо материлась сквозь зубы. Я с удивлением уловила, что адресуется она к какой-то конкретной Мурке.

На мой вопрос коллега негромко поведала мне, что одна из девиц – та, что в черных сапогах, – раньше работала в этом самом магазине. Но пару лет назад девчонке подфартило. На нее положил глаз какой-то папик.

– А я думала, у нее родственники богатые, – пробормотала я. – Она вроде про крестного говорила.

– Это он и есть, только называть папиком теперь не модно. Эй, ты совсем ничего, что ли, не поняла?

И после разъяснений Леночки разговор девиц обрел совершенно другой смысл. «Деревня» – это, оказывается, места обитания богатых людей на Рублево-Успенском шоссе. Лазурное – не пансионат или поселок на берегу Черного моря, как я наивно предположила, а Лазурный Берег Средиземного моря, расположенный во Франции.

«Хвост» – это, как правило, телохранитель, но он может совмещать в себе и функции телоублажителя. Я только глазами хлопала, поражаясь выносливости и богатству русского языка.

Но дальше случилось самое интересное. Выяснилось, что эта Мурка – в миру Наташа – каждый год отмечает свое вознесение в мир богатых и благополучных тем, что приходит в магазин и приглашает девочек на вечеринку.

– Пати на хате, – объяснила Леночка. – Так что готовься. Правда, ты замужем, ну да ничего, раз муж у тебя не крутой, то, думаю, можно.

– А это что, только для незамужних?

– Так в том и смысл!

Я задумалась. Похоже, Мурка стремится облагодетельствовать своих подруг и приглашает девочек, чтобы они нашли там себе крестных, или спонсоров, или, если повезет, – мужа. Мне это все как-то ни к чему. Но... но я в жизни не была на Рублевке. А ведь интересно! Заставив замолчать голос разума, который некстати вякал что-то о том, что любопытство сгубило кошку и, если Дим узнает, у тебя будут крупные неприятности. Ну, во-первых, объяснила я занудному голосу разума, я вовсе не собираюсь изменять любимому мужу. Просто мне ужасно любопытно – как выглядит жизнь на той стороне луны. А если кто пристанет? – с испугом пискнул голос разума.

Ты себе льстишь, холодно осадила я его. Потом все же на всякий случай утешила: если что – отобьемся!

В связи с полным незнанием топографии и географии Рублевки дом, где обитала Мурка, я не могла сравнить ни с чем. Ну, разве только с особняками, которые по телику по-

казывают. Дом был хорош: трехэтажный светлый особняк с балконами, крытой верандой и зимним садом. Мы четверо (две смены по две продавщицы), как особы, приближенные к Мурке, приехали на полчаса раньше остальных гостей, и хозяйка (а впрочем, может, она и не совсем хозяйка? Ну да ладно, мне без разницы) показала нам особняк, явно наслаждаясь нашими ахами, завистливыми вздохами и восхищенными возгласами. Само собой, здесь имелось все, что нужно крестному и его девочке: куча комнат, бильярдная, баня, бассейн, камин, круглая курительная комната, уставленная диванами и обитая узорной тканью. На стене библиотеки имелись специальные шкафчики, где хранилась коллекция оружия.

Как я поняла, самого крестного сегодня в наличии не было.

– Да ты что? – Леночка покрутила пальцем у виска. – Она всегда устраивает девичники без него. Боится, он себе другую Мурку найдет.

Постепенно начали собираться гости. Мурка маячила подле просторных дверей и приветствовала входящих словами:

– Добро пожаловать, я так рада вас видеть! Как мило, что вы не забыли, что по четвергам я принимаю. Впрочем, сегодня в моем салоне вы сможете встретить не только знакомых, но и совершенно новых людей, которые, можно сказать, в первый раз вышли в свет.

Я поперхнулась шампанским (им щедро обносили гостей) и захихикала. На мой взгляд, сцена напоминала дурную карикатуру на «Войну и мир» нашего былинно-бородатого классика. Помнится, там дело в самом начале тоже происходило в светском салоне и московская аристократия изъяснялась исключительно по-французски.

– А вот признавайтесь: о чем подумали? – раздался сзади вкрадчивый голос.

Я подпрыгнула от неожиданности, расплескала шампанское на дорогуший ковер и, обернувшись, встретила взглядом с веселыми зелеными в крапинку глазами. От уголков глаз разбегались насмешливые морщинки. В целом мужик выглядел вполне симпатичным – лет сорока пяти, твидовый пиджак и серые брюки, рубашка без галстука, но с шейным платком, очки без оправы. Немного крючковатый нос не портил его худое лицо.

– И как вас зовут, насмешница?

– Таня.

– Ужель та самая Татьяна! – с пафосом произнес мой собеседник.

– А если бы я была Маша?

– Спокойно, Маша, я Дубровский!

– Вижу, вы хорошо подкованы в рамках школьной программы, – нахально заметила я.

Мужчина засмеялся и сказал, что его зовут Вадим Александрович. Он таки выпытал у меня, почему я хихикала,

произнес что-то по-французски, но я покачала головой и честно сказала, что английский среднего уровня – мой удел.

– Это неплохо, – снисходительно заметил Вадим Александрович. – Многие здесь изъясняются исключительно на родном наречии.

Как я поняла, на вечеринке присутствовали и местные, рублевские, обитательницы, которых несложно было выделить среди простых смертных по ухоженности рук и волос, а также по стоимости нарядов. До меня долетали обрывки разговоров, и я прислушивалась с любопытством, пытаюсь угадать смысл жаргона.

– Какая у тебя машинка прикольная, – тянула одна подруга, поворачивая ручку другой. От часиков брызнул сногискр, заставив поверить в подлинность бриллиантов, осыпавших циферблат. – А мой себе нового Петю с колокольчиками¹ купил, а мне только на черевички новые разорился! – Она притопнула ножкой, обутой в кожу какого-то невезучего пресмыкающегося.

– Не беднись, подруга! Вот у тебя и барбариска² свежая.

Неподалеку молодой человек с внешностью стилиста (то есть с жеманными манерами, немыслимой стрижкой и одетый во что-то розово-черное и в обтяжку) и очередная блондинка беседовали о своем, о девичьем.

---

¹ Часы-репитир Patek Philippe.

² *Барбариска* – сумочка фирмы Burberry.

– Была вчера в Аркаше?³

– Нет, мы в Дягу⁴ упали.

– Ой, смотри, доведет тебя это место до Заксенхаузена⁵.

– Не-е, я осторожно. Мне еще бомжа⁶ нужно приличного найти, а то все хвосты да Данилы⁷ попадаются.

Ничего себе девичник, думала я, оглядывая довольно плотную группу гостей. Здесь имелись девицы всех мастей и комплекций, несколько молодых людей и господ в возрасте от сорока пяти до трудноопределимого, но весьма солидного. Дядечки менялись – кто-то уходил, кто-то приходил. Затем Мурка вышла к роялю, стоявшему в углу зала, и я уж решила, что девушка будет лично развлекать почтенную публику, но она лишь объявила о выступлении некоей певицы. Довольно пышная дама прижала руки, униженные перстнями, к груди, приспустила шаль с одного плеча и завела душевный романс под аккомпанемент молодого пианиста. Я старалась держаться поближе к Леночке, потому что чувствовала себя не слишком уверенно, но та в какой-то момент буркнула:

– Охота на миллионеров – дело индивидуальное.

---

³ Аркаша – дорогой ресторан.

⁴ Дяга – клуб «Дягилев».

⁵ Заксенхаузен – известная венская клиника для восстановления здоровья.

⁶ Бомж – богатый образованный московский жених.

⁷ Данила – фрик, человек неопределенного пола, не годящийся в мужья и спонсоры.

– Доброй охоты, Каа, – пробормотала я, отползая к стене.

Народ тусил, кто-то танцевал под рояль, пока певица отдыхала. Рядом вновь возник Вадим Александрович и пригласил танцевать. Ломаться мне показалось глупым, и я согласилась. Танцевал он хорошо, не прижимался. Я расслабилась и даже получила удовольствие; вел он уверенно, и это было приятно.

– А вот скажите, Танечка, какой у вас талант? – спросил он вдруг.

– Талант? – удивилась я.

– Ну да.

– Наверное, никакого. – Я пожала плечами. Действительно, с чего это он? – Я совершенно обыкновенный человек, и талантов у меня, увы, нет.

– Ай-ай-ай, это неправильный ответ.

– Почему?

– По двум причинам. Во-первых, у каждого человека есть, ну, пусть не талант, но способность к чему-то. Не обязательно к ремеслу или профессии. Иной раз умение сопереживать или выслушать – уже дар Божий. А во-вторых, вы должны продумать более конструктивный подход к собственной личности, если пытаетесь ее предложить.

– Я не поняла, что я пытаюсь предложить?

Его сложный пассаж поставил меня в тупик.

– Личность, – мило улыбаясь, пояснил Вадим Александрович.

Мне стало смешно, и я опять захихикала.

– Простите, – честно сказала я, наконец. – Здесь случилось недоразумение. Дело в том, что я замужем, и в общем счастливо. Поэтому я здесь не как... э-э, охотница или добыча, а просто из любопытства, понимаете?

Он насмешливо сверкнул на меня очками.

– Правда.

Я поискала было глазами Мурку, но потом вспомнила, что она запретила нам упоминать, в каком именно месте она познакомилась с некоторыми из нас. «Говорите что хотите – фитнес-клуб, самолет, пляж – но магазин не поминайте». Мне это показалось смешным: все равно знакомые знают, откуда крестный вытащил девочку, но раз ей не хочется вспоминать прошлое, так и ладно.

– Просто я шапочно знакома с хозяйкой дома и Мур... Наташа пригласила меня, так сказать, за компанию. А я не смогла устоять – мне ужасно было интересно взглянуть, как живут люди на Рублевке.

– И как, понравилось?

– Дом – да, – честно сказала я. – Очень. А вот народ...

Бровь его опять поползла вверх, и я торопливо сказала:

– Просто я тут никого не знаю. И в разговорах многое не понимаю.

– И слава богу, – хмыкнул он, подводя меня к роскошной банкетке – или это оттоманка? – на гнутых ножках.

В руке у меня опять оказался бокал с шампанским, а Ва-

дим Александрович продолжил, присаживаясь рядом:

– То, что вы не говорите на местном диалекте, свидетельствует о вашей неспорченности и наличии некоторых достоинств, как то: мозгов и характера.

– Вы мне льстите, – пробормотала я, утыкаясь в бокал.

– А купаться вы пойдете? – спросил вдруг Вадим Александрович.

– Купаться? – Я вытаращила на него глаза.

– Пошли. – Он взял меня за руку и повел в помещение, где располагался бассейн.

Там звучала совсем другая музыка – громче и веселее, имелся бар, где два белозубых мулата еле успевали поворачиваться, и самый настоящий фонтан с шоколадом! Вот это понравилось мне чрезвычайно. Я с вождением смотрела на темные густые струйки, стекавшие из одной чаши в другую. Потом, поощряемая насмешливым Вадимом Александровичем, который заверил, что один подход к фонтану мою фигуру не испортит, я подобралась поближе к этому чуду. Он еще и пах восхитительно, потому что шоколад был теплый. Рядом обнаружилась миниатюрная девушка в коротком платьице предсказуемо шоколадного цвета и белом передничке. Она взяла блюдечко, на какую-то секунду подставила его под густую струю, а затем указала на стол, где стояли блюда с нарезанными фруктами: угощайтесь.

Следуя примеру гостей, я макала в шоколад банан и клубнику, и еще хватило на апельсин. Пожалуй, апельсин в шо-

коладе мне показался вкуснее всего. Я с удовольствием съела бы еще порцию, а если честно – то и не одну, но мне было неудобно. К моему удивлению, фонтан не пользовался у гостей особым успехом, впрочем, большинство видели его не впервые, а кроме того, девицы все поголовно на диете и шоколад для них – враг номер один. Народ все больше клубился у бара, и, когда Вадим Александрович предложил сходиться за коктейлями, я не стала отказываться. Он вернулся с высоким бокалом, где пламенела густого цвета ярко-розовая жидкость. Еще там имелись звенящие кубики льда, вишенка и разноцветный зонтик на палочке. Коктейль мне понравился – он был горьковат, и я разобрала только вкус грейпфрутового сока, а вот что еще там было? На мой вопрос Вадим Александрович загадочно улыбнулся и ответил: «Кампари». Я тянула напиток через соломинку и думала: какое красивое слово. Просто удивительно, как сочетание звуков может породить вихрь образов. Я буквально увидела пляж, и золотой песок, и красивые тела под жарким солнцем, почувствовала пряные запахи пышной растительности. Впрочем, часть этого антуража имелась здесь, в рублевском особняке. Плеск воды, визг девушек, веселая музыка... Бассейн наполнялся – девицы сыпались туда как спелые фрукты. Я заметила, что часть щеголяла в красивых купальниках, а часть – просто в трусиках и белых футболках. Маечки в бассейне, естественно, намокали, и зрелище получалось вполне эротически-экзотическим.

Мокрые хохочущие девушки выскакивали из бассейна, вооружались стаканами с коктейлями и зажигательно отплясывали кто где – на бортике, подле бара. Мне стало весело и мелькнула шальная мысль: а не пойти ли купнуться? Мысль я испуганно задавила, попробовала сменить дислокацию, чтобы было менее мокро – от длинных волос девиц брызги летели, как от гривы разыгравшихся лошадей. Так вот, тронувшись с места, я обнаружила, что бассейн чуть качнулся и звук как-то поехал... однако что же это в коктейле было-то? Я заглянула в стакан – чего бы там ни намешал бармен, оно кончилось.

– Танечка, а вам не кажется, что здесь шумно? – спросил Вадим Александрович, с готовностью меняя мой пустой стакан на полный.

– Да, – честно ответила я. – Но весело.

Поручив моему заботливому спутнику сторожить второй коктейль и клятвенно заверив его, что скоро вернусь, я отправилась искать дамскую комнату. По дороге встретила Леночку в мокрой маечке, завязанной узлом под грудью. Не могла не заметить, как выгодно подобная форма одежды подчеркивает даже весьма скромную грудь. В туалете, помимо двух кабинок, имелась душевая, раковины и столик с зеркалом, перед которым сидела Мурка, поправляя макияж. Сама хозяйка была совершенно сухой и, в отличие от меня, абсолютно трезвой.

– Развлекаетесь, девочки? – спросила она, глядя на нас в

зеркало.

– Да, спасибо тебе, так весело, – сказала я, а Леночка решилась пожаловаться:

– Конечно, ей весело – отхватила себе мужика. А ведь всем сто раз повторила, что замужем!

– Да он сам пристал! – отбивалась я. – Хочешь, пойдем, я вас познакомлю. Уж он не сможет не обратить внимания на твой костюм и вообще, ты гораздо интереснее меня!

– А что за мужик? – лениво поинтересовалась Мурка.

– Вадим Александрович, – пробормотала я, отползая в кабинку. И была поражена странным взглядом, которым проводила меня Наташа.

Что же это было? Она так улыбнулась, будто... будто... рада? Нет, единственное, что могу сказать точно, – улыбка была неприятной. Значит, если не рада, то... злорадна? Раздраженная тормознутостью своих мыслительных процессов, я решительно повернулась к унитазу передом и сунула два пальца в рот. Прощай, коктейль, но я ужасно не люблю, когда ничего не соображаю. Потом я полоскалась у раковины, а Леночка молча сидела у столика.

– Лен, не обижайся на меня, – попросила я. – Он мне не нужен, правда. Давай я смоюсь потихоньку, я ты иди к нему и все. Ну, скажешь, что коктейль меня окончательно подкосил. Он, похоже, интеллект, так что говори что-нибудь про жизнь, кино... хоть про школу!

– Нет, спасибо, – холодно отозвалась Лена.

Вздохнув, я направились обратно. Мне расхотелось веселиться. Народ квасил, купался и тискался с детской непосредственностью, а я вдруг поняла, что экскурсию пора заканчивать. И тут я сообразила, что домой мне ехать не на чем. Действительно, сюда я приехала на машине Леночки, как и две другие наши коллеги. А обратно? Как-то я не подумала... А вот как сюда такси вызвать? И хватит ли у меня денег добраться на такси до города? Хоть до ближайшей станции метро? Вот черт, попала. Но мне не хотелось грузить окружающих своими проблемами, поэтому я выпала из туалета, сияя улыбкой, и застыла, пытаюсь сообразить, в какой стороне выход.

– Танечка, куда же вы пропали?

Оп, перед моим носом закачался очередной разноцветный зонтик, венчающий коктейль. Заманчиво звякнул лед в бокале. Пить мне действительно хотелось. Но не спиртное, поэтому я кивнула, стакан взяла и сказала Вадиму Александровичу:

– К сожалению, мне пора.

– В смысле? – Он поправил очки и уставился на меня, как на привидение.

– Помните, я ведь говорила вам, что пришла сюда вроде как на экскурсию. Теперь народ переходит к основной части программы, которая мне не нужна.

– А коктейль? Ну хоть допейте!

– Спасибо. – Я сделала вид, что пью, и булькнула в соло-

минку. – А вон моя подружка, давайте я вас познакомлю.

Повинуясь моему жесту, он повернулся и проводил взглядом Леночку. Воспользовавшись моментом, я быстро отлила полстакана в стоявшую рядом пальму в кадке.

– Она милая девушка и...

– Спасибо, Танюша. – Вадим Александрович внимательно смотрел на меня. – Но думаю, я тоже буду собираться. Шумно здесь, а мне завтра на работу.

– Да? – Я колебалась, потом все же решилась. Ну, пошлет так пошлет. – А вы здесь живете или в Москву поедете?

– В Москву! В Москву! – отозвался он, и я захихикала. Судя по интонациям, это тоже была цитата, но я не помнила откуда.

– А вы меня не подбросите? – быстро спросила я. – До любого метро!

– Ну, только если вы будете хорошей девочкой и допьете коктейль, который я добывал с такими боями.

Я с сомнением посмотрела на бокал. Там оставалась половина напитка. Собравшись с силами, отхлебнула, поняла, что меня сейчас вырвет, и сказала:

– Давайте искать выход, и я буду пить на ходу. А то уже поздно, и голова у меня от шума болит.

Он кивнул, крепко взял меня за руку и повел к выходу. Пробираться местами через толпу было непросто, и в какой-то момент я очень ловко сунула свой бокал какому-то раскрепостившемуся до серебряных плавок метросексуалу.

Вадим Александрович довел меня до холла, но я сказала, что мне нужно вещи забрать из комнаты на втором этаже. Он кивнул:

– Я буду ждать вас в машине. Черный «ауди». Единственное... – Он заколебался, потом все же закончил: – Не нужно рассказывать подружкам, что я вас подвожу. Здесь это не принято.

– Конечно, спасибо вам. – Я побежала в Муркины апартаменты, где оставила свою сумочку и куртку.

Там переодевалась Леночка. Она хмуро глянула на меня, и я, хоть и собиралась спросить, не едет ли она домой, осеклась. Молча собрала вещи и пошла в двери.

– Ты куда? – неожиданно спросила коллеги.

– Домой.

– А-а. Такси вызвала?

Значит, она на меня не сердится! Этот момент казался мне важным, потому что ведь нам вместе работать. Я обернулась и, улыбаясь, покачала головой.

– Пешком пойдешь?

– Нет... – Я заколебалась, но все же отбросила осторожность. – Меня Вадим Александрович подвезет, ему все равно в Москву. Только он просил об этом не говорить никому, понимаешь? Ну, наверное, у них тут западло по-человечески кого-то подвезти.

Она молчала, я вышла и уже спускалась по лестнице в холл, натягивая куртку, когда Леночка догнала меня.

– Стой, – зашептала она. – Не ездй с ним.

– Ленуль, ну ты что...

– Я... меня Мурка предупредила.

– О чем? – Я смотрела в ее глаза с расширенными зрачками, потом заметила, как некрасиво она кусает губы, и вдруг испугалась.

– Мурка сказала, что он... он любит мучить людей. Может напоить, связать...

– Он маньяк?

– Скорее извращенец. Убить не убьет и, может, даже не изнасилует, но издеваться будет долго... Мурка сказала, он обожает, когда женщина плачет и умоляет.

Я в ужасе оглянулась на дверь. Там, у подъезда, стоит машина, и меня ждет интеллигентной внешности человек. А может, Мурка врет? Пусть врет, решила я, проверять на своей шкуре правдивость ее информации не хочу.

– Что же мне делать? – прошептала я.

Первой мыслью было – позвонить Диму. Он приедет и заберет меня. Но я тут же одумалась. Забрать-то заберет, но... Но как потом я буду отвечать на его вопросы? Что я делала в доме полном пьяных и полуголых людей? Почему именно ко мне пристал человек с маньячными наклонностями? Да ни один муж такого не переживет. Значит, надо выбираться самой.

– Может, мне засесть у Мурки в комнате, подождать, пока все разъедутся, а потом такси вызвать?

– Нет, давай-ка вместе выбираться отсюда, – решительно сказала Леночка.

– Но он увидит, как я буду садиться в твою машину! Хотя, даже если увидит, что он сделает? Ведь ничего? – Я чувствовала, что губы мои дрожат и глаза непроизвольно наполняются слезами.

– М-да, пожалуй, не годится. – Лена сжала виски и сердито сказала: – Ну же, надо думать, и быстро, пока он не пошел тебя искать... Идем!

Она потащила меня за собой.

– Куда?

– Тут должен быть черный ход. Дверь на улицу и калитка какая-нибудь, через которую прислуга на участок заходит.

Завидев молодого человека с подносом бокалов, мы налетели на него, требуя срочно сказать, где кухня. Оттуда нас направили к двери черного хода. Распахнув ее, Леночка выглянула и помахала мне рукой. Напротив двери в кирпичной стене, окружающей участок, и в самом деле виднелась калитка. Мы побежали к ней. Лишь от самой стены виден был освещенный угол двора, где стояли машины и горели красивые фонарики. Здесь же царил полумрак и бешено лаяли в вольерах собаки. Леночка открыла калитку, выпихнула меня на улицу и велела:

– Жди здесь. Я оденусь, машину возьму и мимо тебя проеду.

Не успела я даже кивнуть, как калитка хлопнула. На вся-

кий случай я осторожно повернула ручку, проверяя, открыт ли путь к отступлению. Но калитка, видимо, открывалась без ключа только изнутри. Я осталась ждать на улице, притопывая, потому что мне было ужасно холодно и страшно, и клянясь себе, что отныне я никогда, никогда, никогда не стану связываться в подобные глупости.

Мне показалось, что Леночка отсутствовала целую вечность, и сотни самых страшных сценариев уже крутились у меня в голове. Но вот из-за угла вынырнули фары, и я вжалась в забор, испуганная подозрением, что это может быть и не Лена. Но это все же оказалась именно она, и я нырнула в салон «жигулей», стуча зубами. На улице конец апреля – не зима, конечно, но вечером дико холодно, да и одета я празднично – туфли и легкая курточка.

– Ты чего так долго?

– Того! Во-первых, машину еле нашла – они ее отогнали за дом, чтобы не позорила, чай, не бумер и не мерс. А потом уже выезжаю – и тут этот твой маньяк на «ауди» – раз мне поперек. Нос в салон сунул и спрашивает: «А где же ваша подруга?» – «Там, – говорю, – в себя приходит, должно быть, коктейль залпом выхлебала, ну, ей плохо и стало». А он так очками на меня сверкает и все не отпускает машину. «А вы что ж так рано?» – «Мне, – говорю, – пора домой, няню надо отпустить, она ночевать с дочкой не соглашается. Только до двенадцати, и все». Ну, он так покривился и отошел.

– Спасибо тебе, – прошептала я, уже хлюпая носом.

– Пожалуйста. Все хорошо, что хорошо кончается. Я-то тоже, дура, поперлась богатого искать. А мне надо не богатого, а нормального, чтобы Ваське отцом стал.

– А я думала, у тебя девочка.

– Она и есть девочка. Василиса зовут.

– Красиво.

– А главное – неизбито. А то у нас пять Лен в классе было – вот где тоска.

Так за разговорами мы добрались до города. Леночка высадила меня у метро, и я поплелась домой.

Муж, который гонял что-то зеленое по экрану компьютера, сонно вытаращился на меня.

– Ты вроде с ночевкой собиралась?

– Мне что-то нездоровится. Домой захотелось.

Я уползла в душ, отревелась там и забралась в кровать, хлюпая носом. Заботливый мой принес мне чаю и банку с медом, а потом подлез под бочок, изображая плюшевого мишку и пытаюсь согреть мои холодные руки-ноги. Так, хлюпая носом и осознавая одновременно, что я такая счастливая – у меня есть Дим – и что я такая дура – иногда не ценю его, – я заснула.

К городу меж тем подкралась весна. Уже миновал март, и хоть Дим посмеивается и говорит, что я сама все придумываю, но я-то вижу, что в марте небо совсем-совсем другое и воздух пахнет теплом и солнышком. Апрель умыл ули-

цы дождями и гораздо быстрее коммунальных служб убрал остатки снега с газонов и обочин. Солнышко такое заманчивое, что так бы гуляла и гуляла целый день, – город словно улыбается в такую погоду, и тротуары ложатся под ноги, уводя от забот и трудовых будней. Москва странный город, и у меня с ним непростые отношения. Звучит, конечно, чудно – словно отношения взаимны. Но на самом деле это так и есть. Или все зависит от внутреннего настроя? Почему иной раз бежишь – и ветер в лицо такой противный, и одинаковые бело-серые панельные высотки щерятся, словно зубы в неприятной злорадной усмешке? Или дурь это все, и городу на меня, как говорится, с чем-то там положить? Стругацких меньше надо читать, говорит муж. Ну и ладно. Все равно мне не хочется думать, что город бездушен. Не-ет, он живет своей, особой, не очень понятной нам жизнью, и я хожу по его улицам, прислушиваюсь, принохиваюсь и по каким-то знакам, тайным сигналам стараюсь понять его – города – ко мне отношение. Ибо Москва, несмотря на женское имя, ассоциируется у меня исключительно с мужским началом. Вот трамвай вовремя пришел – это хорошо, он меня сегодня балует. Под дождь попала, да еще и обрызгал какой-то козел – не в духе он сегодня. Может, ему не нравится во-он та башня в стиле «эрегированное достоинство нашего мэра», которую строят на углу? Неудивительно, мне бы такое тоже не понравилось. Власти города – люди с катастрофическим отсутствием вкуса и гипертрофированной жадностью.

Ну неужели не видно, что эти дурацкие, облицованные стеклом, с непременными восточными башенками сверху высотки рвут московские улочки? Они безжалостно уродуют переулки, коверкают перспективы и насилуют московское небо, втыкаясь в него дурацкими фаллосами. Город держится как партизан, он помнит свою былую красоту и по осени украшает небо и мостовые аппликацией из листьев. И вот что странно – листья наши, самой что ни на есть средней полосы, а цвета и оттенки у них заманчиво-экзотические: лимонный, цвета лайма, банана, карамболя. А другие хранят богатые тона восточных специй: карри, корицы, молотого перца. Они даже пахнут так же – остро и горьковато, так что иной раз кружится голова.

И что это со мной? Весна на улице, а меня потянуло на воспоминания о прошлогодней осени! Надо вдохнуть поглубже и замереть, прислушиваясь к тому, как прохладный и необратимо весенний воздух рождает внутри радостно-авантюрное настроение.

Тетка, что живет в Ярославле, сказала моей маме, что я вышла замуж за Москву. Уж бог с ней с теткой, и зря мама на нее обиделась – мне эта фраза неожиданно понравилась. Я действительно обрела больше, чем просто новое место жительства. Я приняла этот город как мужа – со всеми достоинствами и недостатками, и искренне надеюсь, что и они – и муж и город – любят меня такой, какая я есть.

Вчера мы с девочками ходили в Охотный Ряд. Я купила курточку легкую, пару клевых маечек и сапоги на шпильке.

А мой невозможный муж, когда я хвасталась ему своими покупками, смеялся и спрашивал, на фига мне столько тряпок. Я говорю: «Я же должна нормально выглядеть». А он мне: «Ты и раньше нормально выглядела, до того как перестала есть и начала наряжаться, как кукла Барби». А потом я попросила денег на коротенький такой полушубочек, а он не дал. Вот жмот чертов! Я и так и сяк, и подлизывалась, и объясняла, что меха нужно покупать весной, поскольку дешевле. А он сказал, что я и так всю свою зарплату трачу на тряпки, и если он свою туда же отдаст, то в отпуск нам ехать будет не на что.

Услышав про отпуск, я обрадовалась и сразу подумала, что надо бы присмотреть купальник и босоножки классные. И еще парео, его можно вместо платья или юбки завязать, будет супер.

– А вот как ты думаешь, может, мне пирсинг сделать к лету? – пробормотала я, представляя, как круто на пляже будет смотреться мой загорелый животик с колечком в пупочке.

Дим подавился ужином, покрутил пальцем у виска и сделал телик погромче, явно давая мне понять, что даже обсуждать такое не хочет. Ну и пожалуйста! Все равно сделаю!

И я таки его сделала. Ох, честно сказать, больновато, особенно поначалу, и как-то он у меня долго не заживает, мой

несчастный пупочек. Ребята из салона, прикольные такие парни, уговаривали еще татушку сделать, но я решила пока повременить, а то муж, думаю, меня убьет. Дим и правда разозлился, опять обозвал меня куклой и смылся на корпоративный семинар на три дня куда-то под Москву. Я поревела, потом все же взяла себя в руки, оделась и поехала к Светке утешаться. Однако вместо понимания наткнулась на проповедь.

– И что на тебя нашло, я не понимаю. – Света металась по кухне, одной рукой размешивая что-то на плите, другой набирая сложные комбинации на микроволновке. С троими детьми времени на отдых у нее нет. – Ты и по телефону мне в последнее время все только про тряпки и прочую чушь несешь! Да с тобой стало невозможно разговаривать! Вот скажи, вы стиральную машину купили?

– Нет пока...

– А почему?

– Денег нет, а кредиты Дим не любит.

– И правильно не любит! Переплачивать никому не охота.

– Почему вы все считаете, что если я хочу хорошо выглядеть – это глупо?

– Никто не говорит, что глупо! Но нельзя посвящать этому свою жизнь!

– Каждому свое! Ты же посвятила свою жизнь детям и кухне! Посмотри на себя! Да у тебя, кроме халата, и надеть нечего!

Подруга круто развернулась и смерила меня презрительным взглядом.

— А вот не равняй! Дети — это святое. А что касается кухни — то это временно. Девчонки немного подрастут, и будет легче. И между прочим, мы с мужем едем в Париж через две недели, вот! Бабушка и няня решили проявить героизм и отпустить нас. А летом поедem на море с детьми. А ты со своими юбочками и сапожками останешься в Москве париться.

Домой я вернулась злая и на этой волне, кипя негодованием и гневом, даже по-быстрому убрала квартиру, что-то постирала, а потом решила прибрать в шкафу: там давно ничего не помещается. Раскладывание тряпок отняло последние силы, и я вялой тушкой плюхнулась на матрас и включила телик. Мне стало скучно, потом грустно. Потом я долго и со вкусом ревела. Соответственно, пришлось идти делать холодные компрессы на глаза, а то веки распухнут, и пойду завтра на работу как китайский пчеловод. Лежа на матрасе с ватными тампончиками, вымоченными в отваре укропа, на глазах, я предавалась размышлениям — делать-то все равно больше было нечего. А ведь через две недели кончается мой испытательный трехмесячный срок. Светлана Сергеевна на днях сказала, что довольна моими трудовыми успехами и порекомендует Лидии Михайловне взять меня на постоянную работу. Зарплата сразу вырастет! Здорово! Некоторое время я думала о деньгах и радовалась. А потом вдруг осознала, что больше радоваться нечему, потому как эта замечатель-

ная, денежная и в высшей степени непыльная работа меня совершенно не радует. Нет, первый месяц я была полна впечатлений и училась премудростям торгового дела.

Во второй месяц мне стало скучно, и я занялась тряпками и покупками, в результате чего поссорилась с единственной настоящей подругой и мужем. Нет, муж, он, конечно, тиран и деспот, пирсинг ему, видите ли, не нравится! Мой пупок, что хочу, то и делаю! И вообще, он какой-то жутко консервативный. Я тут для прикола купила наручнички в секс-шопе. А что? Девчонки с работы и не такое покупали. Ну, я решила, что это может быть весело. Так он поморщился, пальцем у виска покрутил и сказал, что с подобными вещами – это не к нему. Ну что за мужик такой! Я опять захлюпала носом, потому что поняла, что ужасно по этому самому противному мужику соскучилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.